

ПОЭТИКИ И ПРОБЛЕМАТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. Г. ПРЫГУНОВА: НАРРАТИВНЫЕ И ЖАНРОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

Г. А. Шпилева, В. А. Бондаренко, У. Ю. Борисова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 31 декабря 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются поэтический сборник Л. Г. Прыгунова «Стихи о неизбежном» (2014) и прозаические произведения этого же автора («маленький роман», рассказ, повесть, роман-дневник), опубликованные во второй половине 2010-х гг. Анализ ведется с позиций жанрологии и нарратологии, что позволяет выявить своеобразие поэтики и поддержанную традицию проблематики (в русле «странных повестей» Вен. Ерофеева, В. П. Аксенова, В. С. Высоцкого и др.) в исследуемых текстах.

Ключевые слова: проза, поэзия, драматизм, рассказчик, биографический автор.

Poetics and Problematic Works by of L. G. Prygunov: Narrative and Genre Aspects of Modern Prose and Poetry

Abstract: the article consider L. G. Prygunov's poetry collection "Poems about the inevitable" (2014) and prose works by the same author ("little novel", short story, story, diary novel) published in the second half of the 2010s. The analysis is carried out from the point of view of genreology and narratology, which allows us to identify the originality of poetics and the supported tradition of problematics (in accordance with the "strange stories" of the V. Yerofeyev, V. P. Aksenov, V. S. Vysotsky, etc.) in the examine texts.

Keywords: prose, poetry, drama, narrator, biographical author.

*«И сто лет я писал бы чудесный роман,
Где жестокость, невежество, зло и обман,
Где любовь, благородство и сила...»
Л. Г. Прыгунов*

В данной статье речь пойдет в основном о прозе писателя, артиста, художника Л. Г. Прыгунова, однако, как видно из эпиграфа, мы будем обращаться и к стихам поэта Прыгунова, с которыми можно ознакомиться, раскрыв сборник («Стихи о неизбежном», 2014), иллюстрированный картинками и этюдами автора. Существует мнение, что все, созданное творцом, не только стилистически, но и тематически связано (объединено его творческой энергией), соответственно — писатель всю жизнь пишет Одну книгу. Именно поэтому образы и сюжетные линии прозаических произведений Прыгунова будем «подтверждать» его же поэтическими образами — цитатами из стихотворений.

Начнем с «маленького романа» (жанр, признанный литературоведами) «Азиатское детство Ивана Ташкентского» (опубликован в журнале «Звезда» в 2017 г., № 9, с. 9–64), который мог бы называться «Новые приключения российского Жиль Бласа», что поддержало бы древнейшую традицию. «Приключенческий», «плутовской», «авантюрный» сюжет иссле-

дователь Л. Е. Пинский назвал «магистральным» [3], так как он является исходным для всех произведений, где автор стремится развлекать, просвещать читателя, а также описывать современные нравы. Не упускали авторы подобных произведений случай порассуждать об искусстве, например о литературе, так, А. Р. Лесажа в своих знаменитых «Похождениях Жиль Бласа из Сантьяго» (1715–1735) не прочь высказаться о «божественном Лопе де Вега» и о «нежнейшем Кальдероне» [2, 586]. Вдохновленные успехом французского писателя, своих «Жиль Бласов» создали и русские беллетристы (Ф. Булгарин, А. Вельтман, В. Нарезный, Н. Некрасов, Г. Симоновский), также заинтересовал герой-плут отечественных классиков: Н. Гоголь изобразил дельца-подлеца Чичикова, а А. Пушкин оставил блестящий набросок *пикарески* «Русский Пелэм» (отталкивающийся от бульвер-литтоновского авантюрного романа «Пелэм, или Приключения джентльмена»).

Повествование в произведениях рассматриваемого типа ведется, как правило, от лица уже зрелого человека, который вспоминает о приключениях времен своей бурной молодости и предостерегает читателя от опасных шагов и рискованных поступ-

ков. Некоторые произведения подобного жанра представляют собой беллетризованную автобиографию.

Авантюрному «маленькому роману» Прыгунова «Азиатское детство Ивана Ташкентского» присущи все черты пикарески: герой-рассказчик ловок (как и положено плуту, борющемуся за свое существование), он «держится поближе к котлу», пишет автобиографию, содержащую описание добрых и злых нравов, неустроенного быта: «Я начинаю свои безалаберные записки только с одной целью — вывернуться наизнанку и оправдаться во всех моих грехах, поскольку многие события моей бурной жизни, несомненно, заставят кое-кого взглянуть на меня с несколько иной стороны...» Далее следует описание приключений, «чаще дурного, нежели благородного свойства» [4, 11], которые, конечно, уравниваются такими чертами героя, как веселый характер, добрый нрав и обаяние молодости.

Цепочка новелл, которые, подобно бусинам, нанизаны на нить приключенческого сюжета, представляет историю голодного детства, жестокие нравы (грабежи, убийства), встречи с негодями-постояльцами (пытавшимися выгнать семью матери-учительницы с двумя маленькими детьми из их собственного дома) и, конечно же, общение с отзывчивыми и милосердными людьми. Много добрых слов сказано об измученной нищетой, всеми силами стремившейся спасти своих детей матери, о чем мы можем прочитать и в указанном сборнике стихотворений: «Зато весной — какая благодать! / Крапива, лебеда, лучок-голубчик... / Колдует ночью у костра с кастрюлькой мать, / слезами заправляя жидкий супчик» («Нищета войны») [6, 14]. Как видно, «плутовские» фрагменты «маленького романа» перемежаются драматическими и даже трагическими, разумеется, без тени иронии.

Повзрослевший Иван, как и положено пикаро (в классической пикареске плут осваивает профессии врача, воина, артиста, учителя и пр.), стал путешествовать по просторам страны (здесь — в качестве ксилофониста); он упоминает о своем пребывании на Ямале, Памире, Камчатке, в Ужгороде, Черновцах и пр. Рассказы о злоключениях Ивана-ксилофониста окрашены иронией (этой, по словам Т. Манна, «интеллектуальной оговоркой»), тонким юмором, а порой и беспощадной сатирой.

Для усиления интриги в романе появляется «гипотетический дед» главного героя-авантюриста, это не менее «жуликоватый», талантливый Его Императорское Высочество Николай Константинович Романов! Данный сюжетный поворот вполне в духе пикарески, персонажи которой часто отмечены «тайной рождения» (пример этому — «Иван Иванович Выжигин» (1829) Ф. Булгарина). Этот широко распространенный мотив позволил ввести в произведение интереснейшие сведения об истории России: революциях, Ходынке, деятельности министров С. Ю. Витте, Д. А. Милютина и пр. Предполагаемый

дед, безусловно, был человеком выдающимся, так как проявил себя в Азии в качестве владельца ташкентского театра, успешного мелиоратора, создателя хлопковых фабрик, мыловаренного завода. Но он имел репутацию чудака и плута, так как этот «вороватый дед» в свое время украл бриллианты матери, чтобы преподнести их американской актрисе Фанни Лир. Впрочем, Иван Ташкентский постарался оправдать своего предка, который, по мнению героя маленького романа, выгодно отличался от своего венценосного родственника (Николая II): «Но боже мой! Какой бы могла быть Россия, если бы ее Императором стал в свое время <...> мой гипотетический дедушка...» Переплетая истории из «частной» жизни человека и приметы социума, деяния людей знаменитых и простых смертных, автор сумел за вымыслом, литературной игрой показать настоящую Историю, не искаженную политической правкой.

В 2018 году вышла книга Прыгунова «Сергей Иванович Чудаков и др.», выполненная в форме мемуаров, в XVIII веке этот жанр, как известно, стал отправной точкой для социального и психологического романов, так как воспоминания с их «пределным самораскрытием человека» и «хроникально-политическим фоном» [1, 133] готовили почву для изображения «эпоса частной жизни» (В. Г. Белинский). В рассматриваемых мемуарах представлен широкий пласт времени (1960–1990-е годы), отмеченный творческой активностью таких деятелей отечественной культуры, как И. Бродский, В. Высоцкий, А. Эфрос и многих других. Можно встретить и упоминания о представителях петербургского и московского андеграунда: об А. Хвостенко (в соавторстве с А. Волохонским создавшем блестящее «Прощание со степью», посвященное выдающемуся историку и географу Л. Гумилеву), о «русском Ван Гого» — замечательном художнике А. Звереве, об авторе искрометных четверостиший О. Григорьеве («На Невском я встретил друга, / Он как бы пахал без плуга»). Больше внимание уделено, конечно, центральному персонажу мемуаров — С. И. Чудакову, личности насколько типичной, настолько и исключительной. Это был энциклопедически образованный человек, талантливый поэт (автор назвал его русским Франсуа Вийоном), авантюрист, киноман, которому И. Бродский посвятил проникновенное стихотворение «На смерть друга» (1973). Кстати, «смерть» также оказалась очередной авантюрой, ибо Сергей Иванович чудесным образом однажды ожил!

Как видно, автор воспоминаний пишет не только о великих и состоявшихся, но и о не менее талантливых, только не преодолевших бытовые невзгоды, противостояние официоза, не реализовавших свой уникальный творческий потенциал.

Мемуары содержат интереснейшие сведения о театральных и кинематографических премьерах, о визитах в нашу страну выдающихся танцовщиков

(Амбруаз и Эдуард Виллелы), знаменитых актрис (М. Влади, Н. Курсель). Однако не менее интересно знакомиться читателю и с деталями быта того времени. Как и многие его современники, автор мемуаров пережил массу невзгод (отсутствие денег, постоянного жилья), о чем сообщается с завидным юмором, свидетельствующим об удивительной жизнестойкости: «И я выходил из этого почти безвыходного положения таким образом: до четырех утра я сидел в кафе гостиницы «Украина», потом шел пешком до Киевского вокзала. Там, где-нибудь прикорнув, спал до шести, потом спускался в метро и, сев в конце вагона, ездил по кольцевой до одиннадцати часов дня — как ни странно, успеваю выспаться, а уж потом шел в «Националь», где просиживал весь день, попивая кофе и беседуя с замечательными людьми. Когда наступили морозы <...>, я шел в ближайшую баню, закупал на два-три часа так называемый «номер» — отдельную ванную комнату — пускал теплую воду и спал, пока меня не будили банщики» [5, 8].

Если кратко охарактеризовать пафос исследуемых мемуаров, то это, конечно же, гимн дружбе, которая в 1960-е годы носила еще романтический характер. С чувством глубокого удовлетворения читатель осознает, что бедные, часто безработные и бездомные будущие знаменитые артисты, поэты и художники не были сребролюбивыми, эгоистичными, корыстными и жадными. В то время молодые и жизнелюбивые, они радовались успехам своих приятелей, сострадали их неудачам и печалились по поводу рухнувших надежд.

В мемуарах заметную роль всегда играет образ автора, его отношение к изображаемому, сама нарративная манера, осуществляющая взаимосвязь событий, представляющая определенное время и пространство. Автор-рассказчик, ведущий «я-повествование», создает собственный образ артистической натуры (он актер, художник, прозаик, поэт); это человек независимый, одинаково ценящий своих прославленных друзей (например, И. Бродского) и гораздо менее именитых (С. Чудакова), а также ранимый, по-детски откровенный и непосредственный. Вот как рассказано об одном из частных писем: «А где-то в 1974 году я встретил Женю Рейна, и он сказал мне, что получил письмо от Иосифа Бродского, в котором он пишет, что, узнав, что в Нью-Йорке или Бостоне в каком-то кинотеатре показывают фильм «Туннель», он проехал на машине <...> 200 миль только ради того, чтобы его посмотреть. Позже Женя показал мне это письмо, и там я точно упоминался. Иосиф писал, что у него теперь тоже есть цветной телевизор, «так что пусть Прыгунов не задастся» (хотя цветной телевизор в 1968 году купила моя теща и мне его включать не позволяла)» [5, 71]. В данном фрагменте соединились и удовлетворение от того, что Бродский посмотрел фильм «Туннель» (1966) с участием Прыгунова, и обида на жестокосердную тещу.

Что касается стиля мемуаров, то в данном случае это отнюдь не «легкое чтение», содержащее «актерские анекдоты» и «писательские байки»; на страницах данной книги можно видеть описание личных драм, даже трагедий. В произведении много цитат из стихотворений поэтов-современников и классиков XIX столетия; многочисленные реминисценции отсылают к кровавым страницам истории, которые уравниваются эстетически: «Стихи сняли у меня всю «тяжесть с плеч», и моя ненависть сменилась горькой жалостью и ко всем жертвам России, и ко всем палачам, вынужденным заниматься своим подлым делом» [5, 158].

Композиция книги воспоминаний свидетельствует о том, что перед нами «проза поэта» («что в памяти моей...»), повествование не подчинено строгой хронологии, а ориентировано на свободные ассоциации автора. Перед нами притягательный, интригующий текст, написанный языком «диким», без «гладкописи», представленный сцеплением ряда эмпирических образов и их эмоциональным переживанием. Прозаический текст содержит поэтические вставки, содержащие неожиданную, часто «колкую», но очень органичную аллитерацию (вспоминается характеристика, данная в свое время К. К. Случескому — «невоспитанный талант» — что указывает на самодостаточность и «самостоянье» поэта): «На осле я поехал бы в Осло, / Но на Висле нужнее мне вёсла. / И когда я услышу крики, / Поверну свою лодку к Риге...»

Прочитав книгу «Сергей Иванович Чудаков и др.», читатель не только получит исчерпывающую информацию об искусстве (поэзии, живописи, театре) и быте второй половины XX века, но и увидит связь творчества наших современников и художников отдаленных эпох (например, в остроумном сопоставлении поэтов «пушкинской поры» и наших «шестидесятников»), что обобщается в одном из стихотворений Прыгунова: «В какой-нибудь значительный момент / ты волен изваять свой монумент / и написать автопортрет в пейзаже, / не опасаясь обвинений в краже / сюжета у Мане или Ватто: / сугроб, ты в валенках, с бутылкой и в пальто...» («Мы все с пеленок возвращаем смерть») [6, 48].

Обращается Прыгунов и к малым эпическим жанрам, так, в 2019 году был опубликован его рассказ «Теща» («Звезда», № 4), где перекликаются сиюминутное, бытовое (сродни анекдотам «про тещу») с вечным — христианским гуманизмом. По законам «центростремительного» жанра рассказа, в его основу закладывается *случай*, «понимаемый как некая часть, по которой восстанавливается целое, делается вывод об этом целом» [7, 49–50]. Что же легло в основу единичной «ситуации» в рассматриваемом рассказе (а начинается он следующим образом: «Мы с ней возненавидели друг друга, с первого взгляда. В первые же секунды нашего знакомства каждый

из нас понял, что принять наименьшую частицу бытия другого значило бы отказаться от всей своей собственной жизни»), которая выделяет частный случай из обыденности и указывает на его исключительность? Итак, главный герой и его теща — враги, непримиримые противники не только в пространстве «тесной кухни», но и в сферах политики, этики и морали. Теща гордилась тем, что «громила» и даже «расстреливала» (!) врагов всех видов («эсеров, троцкистов, правых, левых и остальную «контру»»), а своему зятю нередко посылала следующее приветствие: «Эх, попался бы ты мне в тридцать седьмом!». Но так как «поле боя» отстояло от 1937 года на несколько десятков лет, то Глафира ограничилась доносами в официальные органы на политически «незрелого», непатриотичного зятя, что не мешало ей, орденоносной (!), спекулировать советскими бриллиантами и кубинскими сигарами во время визитов к одной из дочерей в Венгрию.

Однако стремительно приближается *случай*, который перенесет отношения двух персонажей из сфер анекдотических («я поклялся себе, что я ее убью») в высшие. Однажды ненавистная Глафира Григорьевна упала и приготовилась покинуть этот мир, а враждебный зять, вопреки своим планам мести, принялся ее спасать и проникся к ней христианским состраданием. Здесь очень своевременно подоспела и приличествующая случаю деталь: мейсенский подсвечник с ангелом, который улыбался. Но и здесь не обошлось без уравнивающей иронии: слушая трансляцию «очередного съезда», теща поднялась с больничной кровати и произнесла свои *последние* слова: «Леонид Ильич мне сказал: “Встань и иди!”» (вспоминается аналогичная ситуация в классическом «Москва — Петушки» Вен. Ерофеева). Парадоксальное «соединение несоединимого» в сферах быта и истории не раз подчеркивается и в поэзии Прыгунова: «Стоит безрукий пионер / напротив безголовой церкви, / как восхитительный пример / всей эпохальной переделки» [6, 37].

В 2020 году была опубликована ранняя повесть (создавалась в 1967 году) Прыгунова «Осипов и фея» («Звезда», № 3) с подзаголовком «Повесть для кино в стиле ретро». В данном случае действительно соединились два жанра. С одной стороны, это повествование о любви, быте, несчастье Художника, и литературные (видовые) законы устремлены к тому, чтобы «вывести всех героев на одну пространственную плоскость», где для всех «время предстало в циклически завершенном виде» [7, 48]. Главный персонаж повести, подобно сказочному, имеет определенное *задание* (встретить свою фею, а затем, может быть, потерять ее), все остальные либо помогают ему, либо мешают (пропповские «вредители»). Родство с волшебной сказкой поддержано не только тем, что Осипов действительно встречается фею, но и тем, что он сам сочиняет сказку. «Вредители» (как и друзья-по-

мощники), разумеется, не дремлют и выполняют свою функцию — актуализируют мотив «нарушения целостности тела»: «Его били остервенело, как классового врага, и после каждого удара в мозг у Осипова мелькали картинки, вовсе не соответствующие этому моменту: Лена, вторая Лена-Галя, Татьяна, Силин и снова Татьяна, говорящая ему в такт ударам: “Я...тебя...люблю...”».

С другой стороны, *повесть* соединилась с элементами *драмы*, появляются добавившие динамики двойники (Лена — Галя), острая коллизия разворачивается благодаря конфликтным парам (Силин — Наталья, Татьяна — француз Ги). Текст произведения строится как реплики в пьесе, и за порой абсурдными фразами («рыба новая», «обувь мужества», «продовольственный зоопарк») предстает узнаваемая реальность.

Фильм по данному сценарию, на наш взгляд, хорошо бы снимать в Петербурге не только благодаря топонимам (стрелка Васильевского острова, Дворцовая площадь, мост Лейтенанта Шмидта и пр.), но и вследствие осязаемого петербургского (ленинградского) духа, особого «остранения». «Кинематографическая» природа повести поддержана профессиональными устремлениями автора-киноартиста, которые проявляются и в стихотворении: «Бесстрашный Робин-Гуд / (и он же — Эррол Флинн / у многих нас зажгут / в сердцах неугасим / Луч Благородства! / Как у всех мужчин / «трофейного кино» — / во время самого / свирепого уродства)» [6, 53].

Очевидно, что в повести «Осипов и фея», как в процитированном стихотворении «Апреля дребедень» (2010), соединились Искусство, Любовь и жестокость — «время самого свирепого уродства». Кстати, рядом с текстом стихотворения в сборнике помещен эlegantный портрет (работы Прыгунова) знаменитого саксофониста, композитора, актера, писателя Алексея Козлова, ибо «Кто как вино, / глотал кино / сороковых, / тот навсегда был опьянен / звенящим джазом!» [6, 54].

«Роман-дневник» — так определен жанр произведения Прыгунова «Бежать, бежать!», вышедшего в 2021 году (журнал «Звезда», № 11). Эти дневниковые записи интересны по многим причинам, отметим, что ценность состоит и в том, что автор спустя десятилетия не стал их редактировать («причесывать»), поэтому «непричесанные» жизненные впечатления (1970–1990 годов) являются настоящим *документом* эпохи, в котором явственно слышится *пульс человека*. Против того, что это *роман*, также нет возражений, так как показано становление личности в стремительно меняющейся (не застывшей) действительности. О рефлексии, анализе собственной жизни свидетельствует следующий фрагмент, датированный «16 апреля 1975 г.»: «Сегодня 71 год со дня рождения моего отца. 26 лет живу без него. Будь он жив, моя жизнь повернулась бы иначе. Луч-

ше? Хуже? Не знаю. Одно определенно: я был бы более приучен к труду. Невозможный лентяй: быстро устаю, не умею делать черную работу. Хочу научиться живописи — надо работать». Действительность (география, философия, искусство), как и положено в романе, представлена широко и динамично: идет речь о событиях в Коктебеле, Воронеже, Екатеринбурге, автор рассуждает о Шопенгауэре, Кьеркегоре, говорит о творчестве и личных качествах современных поэтов (от И. Бродского до Е. Исаева), фильмах режиссеров — Кополы, Гайдая, Иоселиани, Данелии. Герой дневника много путешествовал, поэтому можно встретить интересные лондонские впечатления («...в первую же неделю я познакомился с чудесным Севой Новгородцевым, который тут же пригласил меня в свой “Севооборот”») или американские: «21.3.89. (Лос-Анджелес). Америка начинает раздражать, особенно здесь, на юге. Жадность, грегоссурациями одними своими деньгами — и от этого почти полная бессмысленность существования».

Нет ничего удивительного в том, что молодой и талантливый Художник хотел покинуть «социалистический рай» и найти свободную страну, «где так вольно дышит человек». Как известно, одни деятели культуры уехали, другие уехали и вернулись, а многие, побывав в «чудесных странах», столкнулись с такими явлениями, которые невозможно принять. Годы спустя люди осознают, что сталкиваются не только с проблемами внешнего мира, но и с теми, которые «носят в себе», преодолевая, поэтому следующее глубоко личное признание автора дневника отражает мысли, настроение, чувства «не уехавших», оставшихся «дома»: «А вот это я считаю самым главным. Я прожил фантастическую, интереснейшую, безалаберную, но свободную и счастливую жизнь!».

Безусловно, рассматриваемый «роман-дневник» представил вариант вечного конфликта Художника и власти, который обусловил многие потери и оби-

ды, но вывод, сделанный зрелым человеком, поражает своей объективностью и глубиной: «И что бы ни случилось в дальнейшем <...> я, на миллион процентов верящий в бесконечные реинкарнации, точно знаю, что моя безумная мечта — сбегать в СВОБОДНУЮ СТРАНУ — осуществится в моей будущей жизни, а именно — в одном из следующих воплощений я вернусь в СВОЮ РОССИЮ...»

Итак, анализ произведений Л. Г. Прыгунова, написанных в разное время и увидевших свет в 2010-х — начале 2020-х, показывает, что автор выступает как активный писатель, его творчество реализуется в различных жанрах. «Концептированный автор» (творец как «точка зрения») предлагает поразмышлять над важнейшими проблемами: взаимоотношения разных поколений, искусство андеграунда и официоза, упомянутая проблема «Художник и власть». Что касается черт автора *биографического*, то это человек широко образованный, свободный, одаренный, и его позиция импонирует читателю уже потому, что его заявление «...безгранично люблю страну Россию» — искреннее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. — Л.: Художественная литература, 1977. — 448 с.
2. Лесаж А. Р. Похождения Жиль Бласа из Сантьяго / А. Р. Лесаж. — М.: Правда, 1990. — 768 с.
3. Пинский Л. Е. Магистральный сюжет: Ф. Вийон, В. Шекспир, Б. Гарсиа, В. Скотт / Л. Е. Пинский. — М.: Советский писатель, 1989. — 416 с.
4. Плутоской роман XVI–XVII веков. — М.: Фирма АРТ, 1992. — 590 с.
5. Прыгунов Л. Г. Сергей Иванович Чудаков и др. / Л. Г. Прыгунов. — М.: ЭКСМО, 2018. — 416 с.
6. Прыгунов Л. Г. Стихи о неизбежном / Л. Г. Прыгунов. — М.: ПРОБЕЛ-2000, 2014. — 136 с.
7. Скобелев В. П. Поэтика рассказа / В. П. Скобелев. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. — 155 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Шпилева Г. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

Бондаренко В. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

Борисова У. Ю., кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

*Voronezh State Pedagogical University
Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature*

Bondarenko V. A., Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature

Borisova U. Y., Candidate of Philology, assistant of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature